

Ловлю Черныха на слове. «Я переговорил с начальницей нашего лагеря», — обмолвился Борис Иванович, имея в виду администраторшу переделкинского Дома творчества, где впервые когда-то пересеклись наши пути.

Вот это — «с начальницей лагеря» — всё-таки не вытравилось из сознания старого политзэка, отбывшего пять лет в бараке строгого режима зоны «Пермь-36». Несмотря на географическое обозначение губернского центра в этом названии, политзона на самом деле была сдвинута далеко вглубь — под Чусовой, на мою малую родину. На этом мы с Чернымом и сошлись. Вроде как из одного барака.

Что касается этого «вроде», то даже в новейшие времена, когда Борис Иванович, выдержав пятидневную болтанку в плацкартном вагоне, прибудет по моему приглашению из Благовещенска к Леонарду Постникову, чтобы принять участие в юбилейном вечере, посвящённом двадцатилетию этнопарка истории реки Чусовой, слух мой опять зафиксирует, что, говоря о тамошних музейных строениях, мой знакомый снова выдаст: «В соседнем бараке...»

А что вы хотели, если будущий писатель, родившийся в городе Белогорске Амурской области в семье расказаченных (по аналогии с раскулаченными) Ивана Дмитриевича и Августы Васильевны Черных, явился на свет в том же месяце (июле) и в том же году (1937-м), когда был подписан секретный приказ, мрачной тенью ложающийся на каждую область, край и республику Советского Союза? Приказ о своеобразной «разнарядке» на масштабные репрессии.

В Перми есть сад Декабристов (между прочим, проходили оные этапом по Сибирскому тракту и, само собой, Пермь не миновали). И здесь, в этом саду, ежегодно вспоминают жертв политических репрессий. Любопытно, что один из томов избранной своей прозы Борис Иванович наречёт «Есаулов сад». Все думают, что этот сад — вымысел. Ну-ну...

Мы были с ним на «ты», невзирая на двадцатилетнюю разницу в возрасте. Так повелел сам Черных. «Погоди, — упреждали меня люди сведущие, — он ещё будет давать тебе разные задания-поручения!»

Собственно, когда автор «Есаулова сада» сел в поджидавшую его на пермском вокзале автомашину, салон которой, с его точки зрения, был чрезмерно насыщен музыкой, он сразу же распорядился: «Музыку приглушить!» Войдя же в мою квартиру и угнездившись в кресле, потребовал: «Оставь нижний свет!»

Наше дальнейшее эпистолярное общение (не электронное, а каракулями на бумаге) сохранило несколько посланий от Черныха, где он предлагал то выслать план бывшей политзоны, впоследствии ставшей Музеем политических репрессий, то создать в Перми Союз русских писателей.

Думаю, Бориса побаивались. В том числе и в Союзе российских писателей, в котором он состоял. Возможно, и в «Литературной газете», где одно время Черных работал собкором. Помню, как он хохотнул, выудив из моего давнего, напечатанного в «Юности» эссе ироничное звание, коим автор этих строк жаловал его тогдашнего шефа Юрия Полякова: «Поручик цк влксм». Борис кивнул: «Так я теперь и буду к нему обращаться!» Да что поручики, когда мой поперёшный друг мог ослушаться фельдмаршала Солженицына?!

Впрочем, самого себя он считал замыкающим. Где-то после Астафьева, Распутина, Белова, Крупина... Хотя, например, я до сих пор нахожусь под обаянием черныховского рассказа «Звёздный час Венки Хованского» из книги «Гибель Титаника», что случается со мной весьма редко даже по отношению к творениям классиков. О чём это говорит? Может, о том, что Борис себя недооценивал?..

Однажды я во всеуслышание поставил его как прозаика в первый ряд! Черных ничего не ответил, но я почувствовал: внутренне Борис был доволен...

Разумеется, эти записи — прошлого дня, сплетённые из нескольких встреч и разговоров, перемежаемые вставками и комментариями. Я включал диктофон, спрашивал, Черных отвечал, вспоминал, сопоставлял. Прочтите их и решите сами: уходит ли с орбиты жизни писатель после своего физического исчезновения — в данном случае, как Борис, в 2012-м? Или, напротив, продолжает действовать в ней присутствовать, наблюдать, спорить, упираться и прокладывать свой путь?

— Борис, ты входил в плейду советских диссидентов последнего призыва. Насколько, по твоemu мнению, соответствует модель нынешнего российского бытия тем представлениям, с которыми ты пришёл в политзону?

— Хочу тебе сразу сообщить, что я никогда диссидентом не был! Потому что, смешно сказать, я всегда был легальным марксистом. Идея социализма с человеческим лицом — то, что пытались воплотить у себя чехи до трагедии тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, была очень близка и мне. Я думал: «Мы живём в тяжёлых обстоятельствах, но эти обстоятельства можно изменить к лучшему в условиях социализма».

А посему, будучи в зоне, крайних воззрений моих союзников я не разделял. Там было немало выходцев из ныне уже бывших наших республик. «Россия, — говорили они, — это враждебная нам страна! Поэтому надо разойтись по своим квартирам». — «Разойдёмся, — усмехался я, — но потом, ребята, будете сами жалеть».

Черных — потомственный казак. Когда-то его предки пришли на Амур, а посему Борис впитал и продилил в собственных поступках психологию вольного отношения к жизни. Эта психология по-сверкивала своей естественной избирательностью и в условиях зоны. Я полагал, что мой собеседник, касаясь давно минувших дней, начнёт нанизывать на чётки воспоминаний всем известные имена — от Натана Щаранского до Сергея Ковалёва, в дальнейшем частого гостя Музея политических репрессий. Ан нет. Даже не вспомнил. Зато...

— Знаешь ли, какие блистательные, мудрые старики-крестьяне из Белоруссии и Украины сидели в лагере? Причём дважды сидели. Сначала — при Сталине. А потом, когда на Западе поднялся крик, что в Советском Союзе преследуют диссидентов, Брежнев ответил: «Ну да. А у вас гитлеровцы по земле ходят, и вы — ничего?» Тогда Запад отпарировал: «А у вас, что ли, не ходят?» И под это «А у вас?» взяли тех же крестьян, уже прошедших лагерь за то, что они крестьяне. А как всё получилось?

Когда наши войска стали наступать, немцы (сами уже не справлялись) заставили крестьян угонять в Германию скот. И, чтобы они не сбежали, одели их в гитлеровскую форму. Это было всё «преступление» стариков. При первой же бомбёжке они удрали и пришли к нашим. Там переодели их в форму советских бойцов, и они отправились на фронт — сражаться, получать награды и ранения.

Закончилась война, крестьяне вернулись к своим полям, а их — хоп! Измена Родине. Очутившись в политзоне, они никаких забастовок не устраивали. Просто не знали, что такое политическая забастовка или голодовка. Ах, вы нас сюда забрали?

Ну, мы и здесь будем работать! Они всю жизнь работали. Вот такие руки! Как лопаты — у каждого. Отчего-то наши диссиденты и их клеветы забывают об этой страшной трагедии...

Число лагерных сидельцев Борис пополнил, что называется, прямо из кабинета завсектором творческой молодёжи Иркутского обкома комсомола. Ещё при жизни и непосредственном участии драматурга Александра Вампилова друживший с ним Черных создал объединение молодых творцов, впоследствии переросшее в «Вампиловское книжное товарищество». И прикрывал его, сколько мог, от идеологического догляда, пользуясь своим обкомовским статусом.

При этом сам прикрывался не сильно. Взял да и написал съезду комсомола письмо со смешным названием «Что делать?». Вскоре Черных исключили из партии. С той поры кем только он не был — грузчиком, поваром кормокухни, учителем, хроникёром по найму, записывающим историю одного колхоза. Наконец, в том же 1982-м Черных арестовали за антисоветскую агитацию и пропаганду — распространял произведения Ахматовой, Платонова, Булгакова и Солженицына... Борис Иванович вышел из барака строгого режима в 1987 году, когда уже вовсю пыхтела перестройка...

— Что вынес ты из лет, проведённых в неволе?

— Вынес стихотворение, которое легло на душу, когда сидел в одной камере с уголовниками и надо было как-то заслоняться от нависшей угрозы ножей...

Вот и июль на ущербе.

Дождь закусил удила.

Тихо сочится вода

в эти бетонные щели.

Светлого дня на Руси
понадломилась походка.

Господи! Тихо и кротко
ниц припадаю. Спаси

сердце от праздных сует
этой кромешной эпохи.

Милый! Останутся крохи
мною не отжитых лет...

Когда я пришёл в тридцать шестую зону, там у нас был такой забавный, с моей точки зрения, капитан Рак. Приходил дежурить через сутки. Я его спросил: «Как у вас имя-отчество?» Он: «А зачем вам?»

Я — ему: «Вот меня зовут Борис Иванович. Я не могу говорить „гражданин начальник“ или „товарищ капитан“, Василий Фёдорович!..» Он: «Это не позволено!!!» Я: «Василий Фёдорович, позволено! Вы не относитесь к нам плохо — мы уже всё плохое сделали, если вы считаете, что это плохое.

Мы теперь — здесь. А вы должны быть учителями добра, если уж на то пошло. Не надо обелять людей. Они же вернутся и будут помнить зло. А если вы не будете по пустяку прессовать их, они будут вспоминать вас хорошо. А ведь вы знаете, куда жизнь-то идёт...»

«Это не ваше дело! Мы знаем, куда она идёт!» — «Нет, — говорю, — это не от вас зависит. Когда это всё закончится, вы потом прятаться будете! Но вам можно и не прятаться. Вы потом скажете: „Мы держали себя с заключёнными милосердно“...» Этого милосердия не было, к сожалению.

Вот прапорощик Кукушкин был лично со мной добр. Такой огромный русский богатырь. Однажды мы вышли с промзоны. Кукушкин нас построил и сам стоит насупленный. Может, у него дома какая-то печаль была... Я подошёл, поднял его руку и положил себе на плечо. Он не знает, что делать, как реагировать. «Да ты не печалься, — стал утешать я его, — мы же люди-то хорошие!» Кукушкин заулыбался. И весь строй расхохотался.

Но были и другие начальники. Например, лейтенант Волков. Каждый раз во время его дежурства, когда я возвращался с работы в штрафной изолятор, в моей тумбочке лежала...дохлая крыса. А там у меня полотенешко...

Для чего это делалось? Наверняка было спущено задание. Чтобы я взвинтился и пошёл на какой-нибудь экстремальный поступок. Только ведь я уже был старый, опытный, может быть, даже мудрый. Но изощрённость лейтенанта Волкова!..

Мне даже казалось, что он больной, потому что здоровый человек не должен был этого делать. Ну ладно, крыса, ладно... Ты же домой приходишь после этой крысы, в семью. Как ты живёшь с детьми-то? Я думаю, что он спивался. Вот эта нерелигиозность, отсутствие Бога производило страшное впечатление.

И что я узнал позднее, когда уже пришли иные времена? Волков продолжал служить там же, под Чусовым, на соседней уголовной зоне. Он ведь мог прессовать эков и тех же самых крыс подбрасывать в тумбочки! Там же не все законченные преступники. И Волков, если он продолжает этим заниматься, он же людей губит!..

Прошлое, как ты видишь, перепошло в настоящее. Причём если раньше оно таилось в тёмных углах, то сегодня преспокойно живёт на свету. Раздолье для нечисти.

Прозаик Михаил Кураев как-то дал мне журнал «Континент», где он опубликовал отповедь Василию Аксёнову. Отповедь вот такая! Аксёнов, бывая здесь наездами из Нью-Йорка, поживёт в Москве, посмотрит на эти тусовки, потанцует и, уезжая, обронит: дескать, в России не так уж и плохо. Всё ол райт! Иногда стреляют. И Миша Кураев правильно ему говорит: «Посмотрите,

что происходит! Одного моего знакомого убили, второго, третьего... В подъездах, в Петербурге!»

Так зона это или не зона? Мы попали в зону ещё более худшую! Вот и вся модель, о которой ты спрашивал. Колоссальный разрыв между моими представлениями, с которыми я пришёл в лагерь, и тем, что мы наблюдаем нынче.

«У него лицо старовера, раскольника», — глянув на фото Бориса Черныха в книге его прозы «Гибель Титаника», сказал мне пермский скульптор Радик Мустафин. Скульпторы умеют «читать» лица.

После выхода на волю Черных организовал в Ярославле выпуск газеты русской литературной провинции «Очарованный странник». Направленность «Очарованного странника» высоко оценил Виктор Петрович Астафьев.

Но надо знать неугомонного Черныха, чтобы понять: публикациями шедевров «натуральной» поэзии и прозы он не ограничился. Критиковал губернатора Лисицына. В том числе писал о той печально известной губернаторской охоте на медвежат, когда под Рыбинском была расчищена накануне заваленная снегом территория...

Затем у Бориса убили друга, который поддерживал газету деньгами. «Очарованный странник» в лице Черныха отправился путешествовать по России дальше. Губернатор Амурской области Анатолий Белоногов пригласил прозаика в качестве советника по культуре в родные места, с щемящей блистательностью описанные в черныховских книгах.

Однажды губернатор его спросил: «Почему вы каждый раз приносите свои советы в письменном виде?» Прозаик пояснил: «А потом как я докажу, что я всё-таки давал эти советы?» — «Ах, вот так, Борис Иванович?..» — «Так».

Когда Черныху стукнуло шестьдесят, у чиновников открылась возможность уволить его по сокращению. Чем занялся Борис? Основал ещё одну газету — «Русский берег», где вынашивал новую «раскольничью» идею создания на Тихом океане российской Византии.

— Как пришёл ты к этой мысли?

— Мои предки-казаки обосновались в здешних местах ещё во времена генерал-губернатора Муравьёва-Амурского. Замечательная была личность! К его доводам даже царь Николай Первый прислушивался. Тридцативосьмилетний Муравьёв управлял всей Сибирью и Дальним Востоком, имея штат в пятнадцать чиновников! Сколько их нынче в администрации Благовещенска?! Протирают штаны, спокойно наблюдая, как через пограничный с Китаем Амур идёт ничем не прикрытая экспансия...

— Экспансия? И как же она осуществляется?

— А вот как. Зимой, когда замерзает река, граница с Китаем вообще можно считать открытой. Китайцы в наших краях захватили практически всё торговое пространство. Мы уже не едим собственных овощей. Но есть «овощи» пострашнее. Через границу тащится такое количество наркотиков, что пора осознать: это не просто криминальный бизнес, а едва ли не геополитическая цель!

— *Говорят, через наших учёных, побывавших в Китае, прошла утечка информации, что якобы к две тысячи пятидесятому году Китай наметил полностью подчинить Сибирь и Дальний Восток?*

— Собственно, это видно уже невооружённым глазом. В Благовещенске произошёл казус. Прибывшая сюда группа китайцев при посещении местного музея отказалась от гида: у нас, мол, свои провожатые есть. И вдруг наши заметили, что китайцы идут по музею, а лица у них враждебные. Оказывается, их гид, переходя от экспозиции к экспозиции, «забивал колышки»: «Вот эта земля — наша. Эта — тоже наша...» Пустячки?

Китайцы высыпают мусор с этажей, не удосуживаясь пройти к мусорным бакам. Кричу: «Парень! Ты чего творишь?!» Отвечает на чистом русском языке: «Это не твоя земля. Иди отсюда!»

— *Может, у государства не хватает сил держать границу? Но ведь Амур с давних пор был казачьей рекою!*

— Ты совершенно прав. Так придайте и нынче ему статус казачьей реки — и мы будем держать Амур спокойно. Этого не делается по одной простой причине. «Казачи? Это же реакционная сила!» — кричат наши либералы.

Вот и посетила меня в одночасье мысль уйти на Тихий океан. Слава Богу, мы ещё сильны в военном смысле. Византия, когда ушла из Рима, не случайно осталась в памяти мира как империя, просуществовавшая триста лет.

Если мы уйдём на Тихий с нашим ядерным оружием, нам ничто не помешает заново стать великой страной. На западных границах у нас практически не осталось морей, к Северному Ледовитому мы уйти не можем. Выбор один — Тихий океан. Это совершенно грандиозное явление! И живут здесь, кстати, интереснейшие, породистые люди.

— *А у меня ощущение, что в результате какой-то дьявольской селекции породистых людей на Руси, напротив, всё меньше и меньше...*

— Знаешь что... Я встречался с губернатором Хабаровского края Виктором Ишаевым. (В этой должности он проработал до 2009 года, а затем, до 2013-го, — полномочным представителем Президента России в Дальневосточном федеральном округе. — Ю. Б.) Потрясающий мужик! Я на него

смотрел и думал: «Что же мешают нам выбрать такого президента?» Работник. Могучий деятель. При нынешних условиях строит автострады, улицу Маркса переименовал в улицу Муравьёва-Амурского. Без шума, без всяких там идеологических крикливых фраз.

На островке между Усури и Амуром, на который все время претендовали китайцы, втихомолку, по ночам, в течение месяца построил православную церковь. В один прекрасный день глянули: на тебе! Открывается храм. Всё! Русская земля. Батюшки ходят... Чем не Византия?

По сути, свою Византию Борис Черных уже описал. Все герои его рассказов живут в некоем городе Урийске. «Усурийск?» — спросил я Черныха. «Нет, — мотнул он категорично головой. — Это город Цесаревич Алексей. Так он был назван в честь родившегося наследника, сына Николая Второго. Во время Февральской революции его переименовали в Алексеевск, а при большевиках — страшно сказать — уже в город Свободный. При этом сделали столицей восемнадцати лагерей Бамлага! Как я могу в своих рассказах называть мой родной город Свободным?!»

Зато именно в этом построенном в сознании писателя Черныха городе, среди его полумифических персонажей, растёт та полупотайная грёза о Византии, так ностальгически переданная в книге «Гибель Титаника»: «Вы скажете: невозможно, чтобы человек вообразил себя парохом. Да, где-нибудь в России невозможно, а в Урийске вольному воля; и не один майор жил в диковинном мире диковинных грёз. Полубезумный Андрей Губский, доморощенный летописец, вообразил себя — ни много ни мало — князем Андреем Курбским, подобрал на свалке старинную пишущую машинку „Ундервуд“, отремонтировал и наводнил город посланиями Ивану Грозному».

— *Борис, но ведь ты дашь фору любому из своих чудачковатых героев-правдоискателей! Вспоминаю, как ты обратился к основателю уральского града Китежа Леонарду Постникову, увидев, как тот сидит в вырезанном эками кресле, напоминающем трон: «Ваше Величество!» А как ты осадил Солженицына?!*

— Александр Исаевич, с которым я состоял в переписке и который, оказывается, читал мою прозу ещё в Вермонте и помогал мне материально как политзэк политзэку, однажды сказал, что в сегодняшней России монархия невозможна. Потому что нужен помазанник Божий. Где он? Мы не готовы к монархии.

И вот я ему ответил — с Амура: «А иудейский народ был готов к приходу Христа?» Получается,

не был готов. Второй вопрос: «А надо ли ему было приходить?» История ответила? Да.

Точно так же — и для нас: надобно, чтобы монарх пришёл к России. Нам не нужны эти княжеские кровно выродившиеся династии. Мне говорят: «Вы знаете, очень хороший внук вырос у Георгия Константиновича Жукова!» Династия Жуковых? Ради Бога! Тогда прекратятся эти либеральные игры. Начнётся упорядоченная жизнь. Тогда уж действительно можно будет уйти на Тихий океан. И столицу туда перенести. А может быть, и на

Урал уйти. У вас же — стык между Европой и Азией. Представляешь, Екатеринбург — столица России?

— *А почему не Пермь?*

— Отчего бы и нет? Там у вас зима мягкая, хорошая. И лето тёплое...

— *А что будем делать с твоей родной музеефицированной политзоной «Пермь-36»?*

— Спалить — и крест поставить!